

УДК 81'37(470.53/531)

РАЗВИТИЕ ПЕРМСКИХ ОТЫМЕННЫХ ТОПОНИМОВ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг)¹

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, 32polyakova@mail.ru

По материалам пермских писцовых и переписных книг XVI-XVII вв. рассмотрены формирование и функционирование ойконимов, образованных от полных и демуниативных календарных и от некалендарных русских имен в Прикамье. Описаны отыменные ойконимы от коми-пермяцких основ. Показана связь развития ойконимии с историей Пермского края, с живой речью и закономерностями делового языка, с развитием русской антропонимии. Исследование актуально для исследования истории русской топонимии и антропонимии, разработки истории русского языка, для описания языка и культуры Прикамья.

Ключевые слова: Прикамье; формирование ойконимов; некалендарные и календарные имена.

Топонимия Пермского края формировалась на протяжении многих столетий. В ней отражаются особенности языков различных народов, живущих сейчас или живших в разное время в Верхнем и Среднем Прикамье и оставивших свои названия природных объектов (рек, озер, лугов, болот, гор, возвышенностей, низменных мест), а также селений и возделываемых участков земли.

Хотя формирование русских говоров Прикамья начиналось с XIII-XIV вв., ранние памятники письменности, в которых зафиксированы топонимы края, относятся только к середине XVI в. В документах именитых людей Строгановых, писцовых книгах Перми Великой и в других деловых текстах отмечаются географические названия, записанные в это время непосредственно на пермской земле. Далее, уже в переписных книгах всей территории Верхнего и Среднего Прикамья, в административных, судебных, имущественных актах XVII в. растет количество топонимов, записанных со слов жителей края, хотя и не без некоторого влияния норм приказного языка. На протяжении XVIII в. число зафиксированных названий существенно возрастает, что отражается в ревизских сказках и в других деловых текстах этого времени.

Изучение истории отдельных слов или пластов географических названий проводится по материалам пермских памятников письменности,

позволяющих установить истоки значительной части топонимов Пермского края, особенности их функционирования, динамику топонимии и в целом ее историю в XVI-XVII вв.

Вместе с тем географические названия, зафиксированные в памятниках, представляют значительный материал для исследования не только топонимии, но и многих слов нарицательных, географических апеллативов, а также такого раздела ономастики, как антропонимия, что способствует изучению истории лексики говоров и имен жителей Пермского края.

В основе древних топонимов лежат обычно апеллативы – народные термины и (или) определения, характеризующие объекты. Это подтверждается данными разных языков. В дорусский период Прикамья здесь возникали и функционировали преимущественно финно-угорские, в основном коми-пермяцкие топонимы. Ср. гидронимы из коми апеллативов *Кадь* < *кадь* 'болото, топь, зыбун', *Кодзь* < *кодзь* 'гравий, галька', *Неч* < *недз* 'овраг, ложбина', *Няр* < *няр* 'лишенное растительности место', *Юг* < *юг* 'река', *Чер* < *чер* 'приток', *Велва* < *вел* 'верхний' (здесь и далее *ва* – термин со значением 'вода, река'), *Кизьва* < *кызь* 'береза', *Косьва* < *козь* 'мелкое место в реке', *Ловва* < *лөн* 'лесная чаща', *Обва* < *об* 'сугроб', *Сылва* < *сыл* 'талый' и т.д. [Кривошекова-Гантман 2006 а: 40-42]. Возникали гидронимы на

основе названий растительности, животных и рельефа местности: *Утьва* < *уйт* 'сырое, глухое место в пойме реки', *Лель* < *лель* 'семга, лосось', *Тымыл* < *тымыл* 'карась', *Низьва* < *низь* 'соболь' [Кривошекова-Гантман 2006 б: 25-29]. Названия географических объектов переносили на поселения, возникавшие около них, ср. ойконимы *Юг*, *Велва*, *Лопва*, *Обва*, *Сьлва*.

Однако в топонимию уже в древности проникали имена. Первоначально это были, по видимому, родовые именованья, которые могли восходить к тотемам, что было характерно для пермской (коми-пермяцкой) культуры Прикамья. Этими именами называли территорию рода и основную реку на ней. Так, по Пермскому краю протекает две реки с одним названием – *Сюзьва* (из коми-пермяцкого *сюзь* 'филин'). Изображение Камы на карте напоминает большой знак вопроса, внутри которого находятся эти реки. Их верховья располагаются на общей территории, но одна из рек течет на запад и впадает справа в Каму на 1761 км от ее устья [Перечень 1926: 106] в той ее части, которая направлена на север, вторая *Сюзьва* течет на восток и впадает в Каму тоже справа на 849 км от устья [там же], но уже в части Камы, направленной на юг. Есть предположение о том, что *Сюзь* в данном случае – имя рода, давшего название местности и реки на ней [Кривошекова-Гантман 2006 в: 52].

В Прикамье есть и другие древние топонимы, возникшие на основе родовых имен, в частности названия с формантом -кар/-кор (из коми слова *кар* 'городище; укрепленное поселение'). Часть из них восходит к родовым именованьям из названий птиц или животных: *Курьжкар* (*курьж* 'курица'), *Чешкор* (*чөж* 'дикая утка'), *Майкор* (*мөй* 'бобр'), *Ошкар* (*ош* 'медведь')..

Родовые топонимы (ср.: *Редикор* – 'городище Реди') были первым шагом к отыменным географическим названиям (*Кудымкар* – 'городище Кудыма'), которые появляются еще в дорусский период, активно развиваются в Прикамье при расселении в нем русских и отражены в ранних памятниках письменности Пермского края.

С XIII-XIV вв. начинается формирование русских говоров и новой топонимии Прикамья на основе традиций образования географических названий на Русском Севере, откуда прибывало население в Пермь Великую (Северную часть Пермского края).

В памятниках XVI-XVII вв. отмечаются многочисленные русские гидронимы, отражающие особенности растительности (*Березовка*, *Осиновка*, *Сосновка*), рельефа местности (*Веретя*, *Гляден*, *Кекур*, *Кокуй*, *Релка*, *Низмедь*), названия

болот, лесов и т.д. На их основе формировались некоторые ойконимы – главным образом названия починков и деревень, ср.: «*Веретя деревня на реке на Вишере* (КЧ: 95 об.)»², «*Кекур деревня на роднике Усолка*» (КС: 158).

Вместе с тем значительную роль начинают играть топонимы, возникающие на основе именованья первопоселенцев, владельцев отдельных участков используемой земли и речных угодий для рыбной ловли в них. Использование земли, рек и озер облагалось податями или оброком, что требовало их точного учета прежде всего в писцовых, а с середины XVII в. в переписных книгах. В них фиксировались наименования угодий, селений и их основателей. В результате топонимы переписных текстов соотносились с антропонимами владельцев участков и поселений на них.

Изучена топонимия пермских писцовых книг Ивана Яхонтова (1579 г.), Михаила Кайсарова (1623-1624 гг.) и переписных книг Прокопия Елизарова (1647 г.), Федора Бельского (1678 г.) и Ивана Дашкова (1678г.). Часть книг дошла до нас в рукописи XVII в. [Е 1; ЕЧ], но другая часть лишь в списках [Я; КС; КЧ; Б; Даш] и публикациях [К, Е] XIX в. К сожалению, в графике списков есть изменения по сравнению с материалами XVI-XVII вв.: опущены в строку выносные буквы, восстановлен Ъ на основе выносных букв, изменены старые буквы кириллицы («кси» > КС, «омега» > О и др.), в публикациях, кроме таких изменений, есть просто ошибочное прочтение слов. Но имеющиеся параллельные материалы позволяют легко восстановить, что было написано в изначальной рукописи.

В писцовых и переписных книгах зафиксирована топонимия обширной территории Перми Великой, Соли Камской, вотчин Строгановых и Кунгурского и Осинского уездов, т.е. Верхнего и Среднего Прикамья. В книгах отмечаются многие топонимы природных объектов, образованные от имен людей: названия лугов (*Ванев луг* / *Ванев луг*, *Васенин луг*, *Калинин луг*, *Микулин луг*, *Павлов луг*), небольших рек и речек (*Глебовка*, *Даниловка*, *Федорцова*, *Семеновская*, *Иванов исток*) и озер, нередко появившихся на месте оставленного, старого русла реки – старицы (*Игнатьевское* / *Ыгнатовское*, *Костинское*, *Макаровское*, *Сереговское*). Их названия связаны с ойконимией расположенных поблизости селений, ср.: деревни *Калинин Луг*, *Микулин Луг*, *Глебова*, *Даниловская*, *Семенова*, починки *Федорцов*, *Макаров*.

Имена оказывались основой названий пашен, сенокосных угодий – пожен, прудов, оврагов, возвышенностей и других объектов, например:

Ермолинские пашины, Васильевская пожня, Мартыново прудище, Романовский враг, Григоровая гора. Иногда названия включали сразу два антропонима (имя и семейное именование, т.е. формирующуюся фамилию), что определялось необходимостью точно назвать владельца: *Агафона Кормильцова наволочек, Андрея Крылова пустошь, Яковлева пожня Кириллова, Сергеева пожня Суровцова, Васильевская пожня Холкина, Трифановские острожья Парунына.*

Как правило, отыменные топонимы возникали от мужских имен, что объясняется социальным положением жителей Пермского края: владельцами или арендаторами участков были главы семей, т.е. мужчины. Женщина получала такие права лишь после смерти мужа, если не возвращалась в родительский дом или не становилась женой другого человека. Поэтому топонимы, образованные от женских имен, были единичными в памятниках письменности: *Оринино селище* (от имени *Орина < Ирина*), *Парасьина вершина* (*Парасья < Параскева*), *Татьяшева деревня* (*Татьяша < Татьяна*).

Наиболее последовательно в писцовые и переписные книги включались отыменные ойконимы, так как требовалось точно назвать все населенные пункты и их жителей-мужчин, чтобы не потерять кого-либо из податных людей (умерших должны были заменить их сыновья). Книги позволяют судить об особенностях топонимии и истории края, например, свидетельствуют об образовании большого числа новых починок и деревень в результате активного притока крестьян с Русского Севера в первой половине XVII в. и значительного увеличения населения Прикамья в этот период. В то же время они свидетельствуют о развитии ойконимии и имен жителей края, что мы постараемся показать в настоящей статье.

Для приказного языка XVI-XVII вв. характерно употребление имен представителей низкого сословья – основного населения России (крестьян, ремесленников, стрельцов и т.д.) – деминутивов, образованных от основ полных имен преимущественно с уменьшительным суффиксом -ка/-ко: *Васька, Иванко, Ивашка*. В полной форме (*Василий, Иван*) фиксировались в административных документах лишь имена бояр, затем дворян. В Прикамье, где их появление было редким (это были лишь присылаемые на некоторое время воеводы, писцы, дозорщики и другие официальные лица), полным именем могли в отдельных случаях именовать состоятельных крестьян и жителей городов в имущественных актах: «*Сез Никита Данилов сын Пядышев продал есмь*

Ивану Сергееву сыну Суровцову в Камском Усолье варницу свою» (КСГ: 6 об.). При переписке к такому адресату обращались, используя не только полное имя, но и отчество на -вич, что обычно не было принято в текстах официальных документов, ср. в письме к двум жителям Соли Камской, братьям-тезкам Суровцовым: «*Гсдрем млстивым благодетелем Ивану Ивановичю Ивану Ивановичю искатель вшей гсдрской млости Стенька Рязанцов премного челом бью многолетно и благополучно о Христе на веки в млсти великого бга здравтсвуйте вкупе же с сожительницами своими и с праведными детками*» (КСГ: 91 об.).

Однако в официальных административных текстах это не допускалось; более того, употребление в делопроизводстве имен на -ка/-ко сказывалось на записи некоторых образованных от имен названий починок и деревень в форме притяжательного прилагательного от имени с сохранением этого суффикса: «*Климково деревня над речкою Рязановскою*» (Е: 124), «*Юшков починок*» (КС: 161), «*Пашков Останин починок*» (Я: 34), «*Власков починок*» (К: 152). В название починка превращался сложный антропоним его основателя в род. падеже: «*Алешки Овчинникова починок*» (Е: 192 об.), «*Ивашка Бородина починок*» (КС: 159), «*Ивашка Пестерева починок на речке на Язве над курьею Стежеею*» (КЧ: 102), «*Калинкин починок а в нем Калинка Иванов сын Опалихин*» (КС: 177 об.), «*Левки Косинца починок на роднике*» (КЧ: 144), «*Юшки Ламанова починок на ручью*» (КС: 188), «*Якимка Ижиптелева починок на Кутузове враге*» (КЧ: 77), «*Стеньки Кузмина сына Речкина починок*» (КС: 162).

Однако в переписных текстах обычной была запись ойконима из притяжательного прилагательного от полного имени или от деминутива, но без суффикса -ка/-ко. Ср. образования от полных имен: «*Деревня Абрамова* (от имени Абрам) *на реке на Каме*» (Е: 131), «*Арефин починок на речке на Язве*» (Е: 188), «*Епифанов починок на реке Обве и на роднике*» (КЧ: 142 об.), «*Деревня что был починок Макаров на озере Макаровском*» (Е: 147), «*Исакова деревня на реке на Каме*» (Е: 167), «*Савина деревня*» (ЕЧ: 101). Ср. также образования от деминутивов: «*Ивакин починок*» (К: 93), «*Игошево деревня на реке Чусовой*» (К: 115), «*Макушина деревня на речке на Усолке*» (Е: 137), «*Мосейков починок на роднике*» (КЧ: 145 об.), «*Серегово деревня на реке на Косьве*» (К: 150), «*Симакина деревня на речке Быковке*» (Е: 92).

Разные писцы по-разному фиксировали название одного и того же населенного пункта.

Так, в 1623 г. записано: «Гаршианино деревня что был починок Гаршианино на ручью» (КЧ: 113 об.). А 1647 г., видимо, под влиянием живой речи он отмечается с суффиксом -ка: «Гаршанкино деревня что был починок Гаршанкино» (ЕЧ: 115).

По переписным текстам хорошо прослеживаются связи топонимии и антропонимии. Часть ойконимов записана при жизни людей, от имен которых они образованы, причем выявляются различные закономерности записи имени с суффиксом -ка/-ко и названий поселений.

1) В ойкониме и в имени представлен суффикс -ка/-ко: «Коземкин починок на роднике... в нем Коземка Бабеков» (КЧ: 73), «Фефилков починок над ручьем... двор пуст Фефилка Алексеева» (ЕЧ: 257).

2) В ойкониме суффикса -ка/-ко нет, но в имени он сохраняется, как это было принято в различных текстах делового письма: «Родионов починок а в нем Родька Семенов сын Емельянов» (КС: 177), «Макаров погост на озерке на Макаровском... в нем Макарко Евдокимов сын Важенин» (КЧ: 104), «Починок Тимофеев на озерке Тимофееве... в нем Тимошка Леонтьев» (Я: 32).

3) В некоторых именах использовался уменьшительный суффикс -ик либо из-за фонетического неудобства произношения имени с суффиксом -ка/-ко: «Карпово починок на реке на Инве... в нем Картик Микифоров сын Тулупов» (КС: 145 об.), либо по стилистическим причинам – в связи с необходимостью заменить старый ойконим Пашков (от имени Пашка) образованием с уменьшительным, но не уничижительным суффиксом -ик: «Павлика Черново деревня что был починок Пашков» (КЧ: 106). Ойконим Павлика Черного зафиксирован в 1623, 1647 и 1678 гг., а в ревизской сказке 1711 г. – уже от полного имени без суффикса -ик: «Деревня Павла Черного» (Ч: 77). После Петровских реформ произошли существенные изменения в деловом языке, в частности имена людей всех сословий в официальных документах записывались без уменьшительно-уничижительных суффиксов.

4) Ойконим образован от деминутива, но без суффикса -ка, а в соответствующем имени основателя поселения он сохраняется: «Серегово деревня на реке Колве в ней дворы по горе и Серешки Алина» (КЧ: 50 об.). «Серегово деревня на реке на Колве» (ЕЧ: 39).

5) К редким случаям относится ойконим «Деревня Исакова» (Я: 37 об.), соответствующий имени в канонической форме: «Исаково деревня что был починок Исаака Камского на реке на Каме» (КЧ: 92 об.).

Следует подчеркнуть, что значительная часть ойконимов образована не в период составления переписного документа, а в прошлом. В населенном пункте во время его описания в писцовой книге проживал уже не носитель имени, давшего название деревни или починка, а его сын или сыновья, т.е. ойконим соотносится с именованном жителем по отцу (с отчеством). Последнее записывалось в форме притяжательного прилагательного от имени отца (иногда со словом *сын*, но чаще без него): «Деревня Захарова... в ней Митя да Панко Захаровы» (Я: 16 об.), «Деревня Захарово на колодезе... Ивашко Захаров умре» (КЧ: 57 об.), «Кузмина починок на роднике... в нем Ивашко Кузмин сын Малово» (КЧ: 57 об.), «Деревня Лукьянова на роднике... в ней Омельяно Лукьянов» (КЧ: 91), «Назарово деревня на речке на Вильве в ней Левка прозвище Курбатко Назаров сын Шолохов» (КЧ: 120), «Сергиев починок» (Я: 32). «Деревня что был починок Сергиев в ней Гришка Сергиев» (КЧ: 100), «Софонов починок на речке на Лызовке в ней Крячко Сафонов» (КЧ: 62). Название деревни могли образовать от деминутива (*Оникуша* < *Онкудин*): «Оникушино деревня на роднике а в ней Обросимко Онкудинов» (КС: 179), иногда в ойкониме появлялся суффикс -ск: «Деревня Леонтьевская Мальгина что было займище Кондрашки Леонтьева на Оринине селище» (КС: 179.), но именование по отцу (отчество) оставалось всегда в форме притяжательного прилагательного от полного имени. Постепенно происходила субстантивация такого отчества.

Между переписями были обычно долгие периоды (от переписи Яхонтова до переписи Кайсарова прошло 45 лет), и в это время – в конце XVI – первой четверти XVII в. – активно проходила русская крестьянская колонизация Верхнего и Среднего Прикамья, возникали новые починки и деревни и их названия, поэтому в книгах 1623 и 1647 гг. ойконимов, соотносимых с отчествами, оказывается больше, чем соотносимых с именами живущих.

Большой интерес для исследователей представляют названия селений, восходящие к именам дедов, т.е. пережившие два поколения: «Кирьянова деревня на роднике... в ней Дениско Осипов сын Кирьянов» (КЧ: 93), «Ондрюшки Овдеева починок на реке на Каме... в нем Дружинка Иванов сын Овдеев» (КЧ: 119 об.), «Пантелеево деревня на реке Вишере... в ней Митька Дементьев сын Пантелеев» (КЧ: 87 об.).

Во-первых, антропонимы, в которых отражаются имена трех поколений, являются иллюстрацией формирования семейного именованья, ста-

новящегося фамилией. Так, 1579 г. записано: «*Аристов починок на речке Ишкильде... в нем Сенка Аристов*» (Я: 34). Ойконим от имени Сенькиного отца Ариста, основавшего починок, возник, возможно, лет за 20-25 до составления писцовой книги Яхонтова, т.е. в середине XVI в. В 1623 г. отмечается уже сын Сеньки и внук Ариста, а название Аристов починок продолжает функционировать ко времени писцовой книги Кайсарова уже лет 65-70: «*Аристов починок на речке Ишкильде... в нем Данилко Семенов сын Аристов*» (КЧ: 104 об.). Так что в ней ойконим соответствует уже имени деда. Деревня Аристова существовала вплоть до XX в [ПО: 104 об.].

Во-вторых, в ранней пермской писцовой книге отмечается ряд деревень и починок, появившихся еще в середине или третьей четверти XVI в., и свидетельством этого являются ойконимы, соответствующие отчествам жителей деревень в 1579 г.: «*Захарова деревня... Митя да Панко Захаровы*» (Я: 16 об.), «*Кондратьева деревня на реке на Вишере... Ондрюша Кондратьев*» (Я: 37), «*Мелентьева деревня на реке на Каме... Габко Мелентьев да Петрушка Мелентьев*» (Я: 34 об.).

В-третьих, антропонимы позволяют понять, чем вызваны колебания в назывании одного и того же населенного пункта, ср.: «*Васильевский починок на речке на Язве Кычигино тож*» (КЧ: 102 об.). Далее в описании этого починка читаем: «*А в нем Петрушка Васильев сын Кычигин*». Васильевским он назывался по отчеству владельца (Петрушки), а Кычигиным – по семейному именованию от некалендарного имени деда *Кычига* из севернорусского дилектизма *кычига* 'ручное орудие для обмолота льна и хлебных злаков; вид цепа' [СРНГ 13: 245], но с коми-пермяцкой фонетической чертой: *кы < ки*.

Пришедшие на Русь заимствованные канонические имена пережили фонетическую адаптацию к русскому языку, и в писцовых книгах отмечаются уже адаптированные формы имен, давших ойконимы. Исключения были крайне редкими и вместе с тем устойчивыми: в 1579 г. «*Сергиев починок*» (Я: 32), в 1623 г. «*Деревня что был починок Сергиев... крестьянин Гришка Сергиев*» (КЧ: 100). Видимо, они были продиктованы особыми обстоятельствами – в данном случае существованием других объектов с таким же именовании, ср. ороним «*Сергиев камень на реке на Каме*» и «*Сергиев Камень деревня над Камою-рекою*» (Е: 91).

Адаптация в русском языке заимствований реализована в образовании новых форм имен с русскими формантами. В переписных актах

Прикамья XVI-XVII вв. представлены ойконимы, возникшие от деминутивных имен с различными суффиксами.

Во-первых, это образования от имен с принятыми в деловом языке суффиксом -ка/-ко: *Ескина* деревня (от *Еска < Иосиф*), *Ивакин* починок (от *Ивака < Иван < Иоанн*), *Калинкин* починок (от *Калинка < Калина < Калинник*), *Коземкин* починок (от *Коземка < Козьма*), *Сенькиных* деревня (от *Сенька < Семен < Симеон*), *Симакина* деревня (от *Симака < Симон*), *Спиркин* починок (от *Спиря < Спиридон*), *Игнашкин* починок (от *Игнаша < Игнат < Игнатий*); *Гаикова* деревня (от *Гаико < Гаврила < Гавриил*), *Климков* починок (от *Климко < Клим < Климент < Клементий*), *Мосейков* починок (от *Мосейко < Моисей*), *Пашков* починок (от *Пашко < Павел*), *Титков* починок (от *Титко < Тит*), *Феофитков* починок (от *Феофитко < Феофит*), *Фефилков* починок (от *Феофилко < Феофил*), *Юшков* починок (от *Юшко < Юша < Юрий*).

Ойконимы позволяют выявить и такие формы деминутивов, которые были характерны для живой речи жителей Прикамья в XVI-XVII вв. Конечно, широко употреблялись в речи и слова с суффиксом -ка/-ко. Но употребление его в антропонимии делового языка способствовало развитию в этом суффиксе не только уменьшительного, но и уничижительного значения. В то же время использовались разные формы деминутивов, в которых эта уничижительность отсутствовала или проявлялась в малой мере.

На основе ойконимов восстанавливаются онама, образованные из двух (иногда трех) первых слогов полного имени с нулевым суффиксом и с исходом -а после твердых или мягких согласных: *Тимина* деревня (от *Тима < Тимофей*), *Спирин* починок (от *Спиря < Спиридон*), *Харина* деревня (от *Харя < Харитон*), *Володина* деревня (от *Володя < Володимир*), *Серегово* деревня (от *Сереза < Сергей < Сергий*).

В ойконимы попадали имена с суффиксами:

-ша: *Игнашин* починок (от *Игнаша < Игнат*), *Олешино* починок (от *Олеша < Алексей < Алексей*);

-уша: *Макушина* деревня (от *Макуша < Максим* или *Макидон*), *Меркушев* починок (от *Меркуша < Меркурий*), *Оникушин* починок (от *Оника < Аникий*);

-ош: *Игошева* деревня (от *Игоша < Игнатий*);

-оша: *Порошин* починок (от *Пороша < Порфирий*);

-ак: *Семакова* деревня (от *Семак < Семен*);

-аш: *Тимашев* починок (от *Тимаши < Тимофей*);

-ня: *Паранина* деревня (от *Параня* < *Парамон*).

-ча: *Иванчина* деревня (от *Иванча* < *Иван*).

Сопоставление имен и отыменных топонимов в писцовых и переписных книгах показало, что ойконимы более нейтральны по сравнению с именами, особенно по сравнению именами-деминутивами, ср.: «*Тимофеев* починок на озерке *Тимофееве*... в нем *Тимошка Леонтъев*» (Я: 32), «*Родионов* починок... в нем *Родька Семенов сын Емельянов*» (КС: 177). Это проявляется и в случаях, когда ойконим тоже восходит к имени с суффиксом: «*Тимашев* починок на речке *Зырянке*... в нем *Тимоха Павлов*» (Я: 11 об.).

Все, о чем шла речь выше, касается календарных имен. Вместе с тем в XVI-XVII вв. в живой речи весьма актуальными были некалендарные имена, которые зафиксированы в пермских памятниках разных жанров.

Они оставили след и в топонимии, в частности как названия населенных пунктов. Отмечаются ойконимы из имен, отражающих отношения в семье. Одни из них восходят к именам из числительных, их давали сыновьям по порядку рождения (например, *Первышка* – первый, *Пятунька* – пятый, *Семерик* – седьмой): «*Первышки Жуланова деревня*» (ЕЧ: 201 об.), «*Пятунки Васильева сына Федорова починок на реке на Сера*» (КЧ: 145), «*Семериков починок на речке Изуме*: (К: 159). Другие образованы из имен, называвших младших (*Малец*, *Мальга*) или поздних (*Поздей*, *Поздий*) сыновей: «*Мальцов починок на реке на Егве*... в нем *Микулка прозвище Малец Евсеев*» (КЧ: 144 об.), «*Деревня Леонтъевская Мальгина что было займище Кондрашки Леонтъева*» (КС: 179), «*Поздеев починок на ключе*... в нем *Жданко Поздиев сын Могучев*» (КС: 175), «*Поздиево деревня на речке на Лызовке*... в ней *Богдашко Григорьев сын Поздиев*» (КЧ: 71), «*Поздиево деревня в Онисимовском приходе*... *Олешка Федоров сын Поздиев*» (КЧ: 136 об.).

Зафиксированы названия населенных пунктов из «профилактических» имен, которые должны были оберегать их носителей от нечистой силы и злых духов (*Невер* ‘неверный’, *Неклюд* ‘нелюдимый, молчаливый’, *Некрас* ‘некрасивый’, *Нечай* ‘неожидаемый, нечаянный’): «*Данилка Неверова деревня на ручью*... в ней *Климка Данилов сын Неверов*», КЧ: 86 об.), «*Неклюдов починок что была деревня Остяцкая на реке на Черной*» (КС: 172 об.), «*Некрасов починок*» (Я: 23), «*Некрасова деревня на врашке что был починок Некрасов*... в нем *Фетка Васильев сын Некрасов*» (КЧ: 67), «*Некрасова деревня*» (ЕЧ: 52), «*Нечаев починок на реке на Каме*» (Я: 32 об.).

В Прикамье зафиксированы ойконимы от древнерусских имен из древних этнонимов (*Русин*, *Чудин*): «*Русинов починок на роднике в нем Федка Григорьев сын Русинов*» (КЧ: 92 об.), «*Чудинова Новина починок на ручью*» (КС: 188).

В пермских писцовых и переписных книгах отмечаются ойконимы и от других некалендарных имен, имевших долгую историю в русском именнике, как показывают данные исследований различных памятников письменности, в частности уральских [Мосин 2008], и материалы антропонимических словарей [СДЛСИ, Ономастикон, УИО]. Они отражены в ойконимии:

Бажа – «*Деревня что был починок Бажин над ручьем над Косвинским*» (К: 140), ср. [Мосин 2008: 740];

Дружина – «*Дружинин починок на реке на Чусовой и на речке Воеводинке*» (Е: 97), [СДЛСИ: 159; Ономастикон: 101; УИО: 120];

Завьял – «*Завьялов починок на реке Усолке*... в нем *Харитонко Симонов сын Завьялов*» (КС: 175), ср. [СДЛСИ: 178-179; Ономастикон: 118; УИО: 144-146; Мосин 2008: 745, 773].

Истома – «*Истоменский починок на роднике Гагоре*» (КЧ: 52 об.), ср. [СДЛСИ: 191; Ономастикон: 129; УИО: 163; Мосин 2008: 774];

Пешко – *Пешково деревня Черное тож на реке на Кондасе* (К: 173). *Пешкова деревня над Кондасом-рекою* (Е: 88), ср. [Ономастикон: 244; УИО: 304; Мосин 2008: 781].

Некалендарными именами, давшими ойконимы, становились названия животных, птиц, рыб: «*Починок Бурундуков на речке на Талице*» (КЧ: 56), «*Воробьев починок на роднике*... в нем *Ивашко Артемьев сын Воробьев*» (КС: 176), «*Лецев починок на реке на Чусовой*» (К: 115). Наибольшее количество подобных ойконимов было от имен из названий птиц: «*Деревня Воронина на реке на Сылве*» (Е: 92), «*Деревня Воронина что был починок Нижней на реке на Сылве*» (К: 130), «*Деревня Загоскина [загоска – ‘кукушка’]*» (Е: 121), «*Коростелева деревня на реке на Усьве*» (Е: 134), «*Соловьев починок*» (Е: 101), «*Деревня Стрижева*» (Е: 138), «*Чишовкин починок*... в нем *крестьянин Иванко Чишов*» (Я: 37). Подобные ойконимы возникали и из коми-пермяцких заимствованных дохристианских имен: «*Крестьянин деревни Яборова [ябөр, ябыр – ‘скворец’]* *Яков Аверкиев сын Яборов*» (Ч 3: 206).

В основе части ойконимов писцовых и переписных книг лежат дохристианские имена из коми слов: деревня *Куштелева* (*куштель* – ‘голое ухо’), *Мошев* погост (*мош* – ‘пчела’), деревня *Чежегова* (*чеж*, *чөж* – ‘крупная утка’). Причем

следует отметить, что писцы обычно сохраняли топонимы и в их числе ойконимы коми-пермяцкого происхождения, но дохристианские имена или прозвища их основателей переводили на русский язык. Так, в писцовой книге 1579 г. деревня в бассейне Колвы названа коми топонимом Нырб из слов *ныр* 'нос' и *ыб* 'поле' (Нырб – Поле Носа), но живущий в ней крестьянин назван русскими календарным (Иванко) и некалендарным (Нос) именами: «*Нырыб деревня на роднике в ней крестьянин Иванко Нос*» (Я: 24). Его потомки носили и носят до настоящего времени фамилию Носовы.

То же самое наблюдается и в другом месте Прикамья, в устье Косы, притока Камы, отмечена тогда же «*Ныров... деревня на реке Косе*» (Я: 38 об.). В 1623 г. записано: «*Погост Коса Ныров тож на реке на Косе что была деревня Ныров*» (КЧ: 130 об.), «*Ныров погост ... а в нем... Еремка Семенов сын Носов, Максимко Иванов сын Носов пустое место дворовое Трошки Иванова сына Носова*» (КЧ: 84 об.). От кальки (Нос) из некалендарного имени *Ныр* здесь тоже возникла фамилия *Носов*. Были кальки, давшие топонимы, и от других коми имен, однако это не всегда удается проследить по материалам памятников.

Вместе с тем коми имена сохранялись и от них возникали топонимы и фамилии, зафиксированные в писцовых и переписных книгах. От коми слов с характерным для коми-пермяцких дохристианских имен формантом -ег/-ог (Ратег, Ужег) были образованы ойконимы, ср.: «*Ратегово починок на роднике*» (КЧ: 103), «*Ратегова деревня на роднике*» (ЕЧ: 183), «*Ужегов починок на реке на Инве в нем Сидорко Ужегов*» (КЧ: 146 об.). Оформлены ойконимы коми происхождения уже в русском языке с помощью обычного для пермской ойконимии форманта -ов.

Обобщение представленных выше и других наблюдений над материалами пермских писцовых и переписных книг позволяет выявить ряд процессов, происходящих в пермской ономастике в XVI-XVII вв. Эти процессы связаны с утверждением календарных имен (полных и демиинутивных) в антропонимии и в отыменных топонимах.

1) Некоторые ойконимы от географических апеллятивов и некалендарных (русских и коми-пермяцких) имен вытесняются образованиями от календарных имен, что видно по колебаниям в наименованиях конкретных населенных пунктов, ср.: «*Романово деревня что был починок Нижнее Поле*» (КЧ: 117), «*Аврамов Камень починок что была деревня Ошкор тож на реке на Яйве*» (К: 174.).

В 1579 г. существовала деревня *Гузницево* (Я: 19) с ойконимом от прозвища *Гузнице*. В 1623 г. записано: «*Гузницево Юрино тож на роднике на Боярке*». Проживал в ней в это время *крестьянин Задорка Юрьев сын Дубовиков* (КЧ: 58). С появлением нового владельца с именем Юрий (отца Задорки) возникает и новое именование деревни. Но, видимо, в живой речи деревню именовали по-разному, что обычно отражалось в писцовых книгах, где сохранялись оба именованья.

Иногда старое, неотыменное название селения возвращалось, особенно если оно было широко известным топонимом-ориентиром, например называло большую реку или устье реки. Однако сохранялось и упоминание отыменного ойконима.

Так, в 1579 г. отмечен «*Орефин починок на реке Каме на усть реки Вишеры*» (Я: 32). В 1647 г. он же – «*Усть-Вишера деревня что был починок Орефин*» (Е 1: 210).

В 1579 г.: «*Нестерово деревня вверх Косы речки на Унылве*» (Я: 39). В 1623 г.: «*Большая Коча деревня что была деревня Нестерово вверх Косы-реки на реке на Унылве*» (КЧ: 133). В 1647 г.: «*Большая Коча деревня что была деревня Нестерово*» (ЕЧ: 235 об.).

2) В источниках 1623 г. и особенно 1647 г. отмечается увеличение отыменных ойконимов от демиинутивных имен с суффиксами, которых не было в XVI в. В этот период идет активное освоение пермских земель вновь прибывшими в Прикамье крестьянами. В писцовых книгах 1623 г. отмечаются ойконимы от основы календарных имен с суффиксами -аш (починок *Тимашев*), -ош/оша (деревня *Игошева*, починок *Игошино*, починок *Порошин*), -уша (деревня *Макушина*, деревня *Оникушина*), -ка (починок *Калинкин*), -ко (починок *Мосейков*, починок *Юшков*), с нулевым суффиксом (починок *Спирин*, деревня *Серегово*, деревня *Харино*, деревня *Юрино*). При образовании названий селений к вновь образовавшимся основам от имен присоединялись ойконимические суффиксы -ов (к основе на согласный – *Игошева*) и -ин (к основе на -а – *Игошино*).

Окончание обычно соответствовало окончанию термина, называвшего вид селения: починок *Антипин* (нулевое окончание), деревня *Глебова* (-а/-я (-ја)). Окончание -о в названиях починка или деревни (*Юрино*) появилось в источниках при переписке текста в XIX в., когда такие названия на -о распространялись в ойконимии Пермского края по аналогии с названиями сел (село *Кыласово*).

Вместе с тем возникали зафиксированные в 1623 г. ойконимы из словосочетания демиинутив-

ного имени и отчества владельца: деревня *Данилка Неверова*, починок *Ивашка Пестерева*, починок *Ивашка Половникова*, починок *Ивашка Пономарева*, починок *Левки Косинца*, починок *Ондрюшки Овдеева*, деревня *Павлика Черного*, починок *Стеньки Кузмина*, починок *Якимка Ижитпелева*, починок *Якушки Батуева*. Иногда в сложном топониме в основе ойконима наряду с именем и отчеством оказывалось и имя деда, перешедшее в семейное именование: починок *Гаврилка Третьякова сына Минина*, починок *Пятуньки Васильева сына Федорова*.

Но уже в книгах 1647 г. ойконимы из сочетаний имени и отчества становились редкими, а однокомпонентные названия селений либо сохранялись без изменений, либо были утрачены (так как многие починок исчезали или получили названия по новым владельцам, но установить последнее по имеющимся материалам удается редко), либо именованья вновь появившихся починок и небольших деревень продолжали записывать с суффиксом -ка в основе от имени владельца: деревня *Еськина*, починок *Ивакин*, деревня *Климкова*, починок *Феофитков*. В отдельных случаях старые ойконимы лишь в записи 1647 г. приобрели суффикс -к: деревня *Гаршанкино*, починок *Спиркин*. Ранее было *Гаршанино*, *Спирин*.

Существенно изменяется картина ойконимии в писцовых книгах 1678 г. Бельского и Дашкова (у последнего переписан только Осинский уезд). Частично сохранились старые ойконимы от имен полных: деревня *Никулина* (Б: 65 об.), деревня *Юдина* (Б: 35). Есть записанные в старых книгах названия от деминутивов: деревня *Макушина* (Б: 31 об.), починок *Спирин* (Б: 29). Но нередко дается более подробное описание даже старого селения: «Починок *Архипов* за Казенным полем над ручьем» (Б: 62 об.), «Починок на Малой речке в *Никулиной* деревне» (Б: 68). Новых ойконимов от деминутивных имен практически нет, но зато появилось большое количество описаний селений, в которых не отражаются непосредственно их названия в живой речи, как это было в первой половине XVII в.: «Деревня над Кемулем и над речкою *Шумихою*» (Б: 5), ср. ранее: «Деревня *Кемель* на речке *Кемели*» (К: 152).

3) Появление в книгах 1623 г. большого количества названий починок и деревень от деминутивов свидетельствует об окончательной адаптации в русском языке, в системе русского словообразования, заимствованных календарных имен. Их проникновение в топонимию было закономерным, так как они широко употреблялись, звучали естественно и вносились в официальные

тексты. Но во второй половине XVII в. они воспринимались писцами уже как не соответствующие нормам делового языка переписных текстов этой поры и либо сопровождалось подробным описанием, либо заменялись описанием, в котором не оказывалось однокомпонентного ойконима, существовавшего и до составления книг 1678 г., и после.

В XVIII в. в ревизских сказках сохраняются старые названия от полных календарных имен: деревня *Глебова* (Ч: 21), деревня *Савина* (Ч: 19), деревня *Фролова* (Ч: 90). Есть в них и старые названия от деминутивов: деревня *Порошина* (Ч: 90), деревня *Тимина* (190 об.), погост *Серегова* (Ч: 193). Но в ревизских сказках (за редким исключением) совсем исчезают старые названия от имен с суффиксом -ка/-ко и не появляются новые. А там, где использовалось деминутивное имя, находим уже его полную форму: деревня *Павла Черного* (Ч: 77).

4) Что касается ойконимов от некалендарных имен, то в их истории отражается история самих антропонимов. В XVI в. разрушается старая система антропонимии, когда в качестве церковных и официальных использовались календарные имена, а в бытовой сфере обычными были некалендарные. В связи с адаптацией календарных имен к системе русского словообразования и появления вариантов вторичных, неполных, деминутивных имен, последние утверждаются в бытовой речи и вытесняют некалендарные имена, заменяют их, что отражается и топонимии.

Однако у некалендарных имен было очень важное качество, отсутствовавшее у календарных: они были индивидуальны. Если *Ивашек*, *Тимошек* и *Федек* оказалось несколько не только в одном селении, но даже в одной семье, то различали тезок с помощью некалендарных имен: *Злоба*, *Куделя*, *Первуша*, *Поздей*, *Некрас*. Поэтому они сохранялись долгое время даже при развитии деминутивов от календарных имен.

И в то же время некалендарные отличались по статусу от календарных, даже деминутивных имен, они становились сниженными, бытовыми, неофициальными. И за ними в XVII в. в Прикамье, как и на других территориях России, закрепляется термин *прозвище*, которым называли все антропонимы, не имевшие отношения к календарным именам: некалендарные имена, индивидуальные прозвища и семейные именованья, т.е. формирующиеся фамилии. В деловых документах Прикамья некалендарные имена употреблялись и с термином *прозвище*, и без него, ср.:

«Деревни *Немзи* крестьянин *Добрыня Ортемов*» (Я: 30 об.), но «Крестьянин деревни *Конда-*

кова на реке на Сылве Евсевийко прозвище Добрыня Рудаков» (Е: 99);

«Деревни Вороновы на реке Сылве крестьянин Бессонко Иванов сын Воронов» (К: 130), но «Крестьянин деревни Беспалова Ефремко прозвище Бессонко Захаров» (Е: 141);

«Починка Теплова на реке на Бондюге крестьянин Нечайко Кошелев» (Я: 26 об.), но «Крестьянин деревни Верхолужская Фефилко прозвище Нечайко Никифоров сын Полягалов» (Е: 110).

Это способствовало долгому сохранению некалендарных имен в русском антропонимике и участию их в образовании топонимов и фамилий. Однако в отличие от названий селений из календарных имен пермские ойконимы из некалендарных обычно были образованы от полной формы (починок Завьялов – от имени Завьяло, починок Некрасов – от Некрас, починок Нечаев – от Нечай, починок Поздеев – от Поздей), хотя в бытовой речи отмечались и различные деминутивные имена: «Деревни Усть-речки Усвьы крестьянин Завьялко Григорьев сын Вологженин» (К: 146) «Чердынской деревни Остяжкой на реке Черной Неклюдко Иванов кузнец» (Я: 7 об.), «Чердынской деревни Верхнего Шакшера на реке на Каме крестьянин Вож Леонтьев да сын ево Некраско» (Я: 33), «Деревни Сумыча на реке Сумыч крестьянин Поздейко Гилев» (Я: 28).

Таким образом, отыменные ойконимы в XVI-XVII вв. переживают бурную историю, в которой происходят существенные изменения и в основах названий селений, т.е. в судьбе календарных и некалендарных имен, и в самих ойконимах. На развитие последних повлияли и живая речь, и деловой язык, в котором вырабатывались свои нормы для формирования названий поселений и их отражения в переписных текстах.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего Среднего Прикамья», № 2.1.3./483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и гранта РГНФ № 08-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь “Человек”».

² Цитаты из памятников даются курсивом, адрес цитаты указан в круглых скобках, описание цитируемых памятников представлено в «Списке источников с условными сокращениями». Знаки препинания в привлеченных к исследованию памятниках не употреблялись и в цитаты не вводятся.

Список источников

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 186 (1678)

году. Копия. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1, № 22.

Даш – Переписные осинские книги князя И.Дашкова 1678 г. с пояснениями В.Н.Шишонко. Копия с копии. Рукопись. ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 34.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып 2. С. 87-146.

Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизаров 155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись ГАПК. Фонд 597. Опись 1. № 18.

ЕЧ – Пермь Великая Чердынь. Книга переписная посаду переписи Прокофья Елизарова 155 году. Пермь Великая Чердынь. Рукопись. РГАДА. Ф. 1209. Оп. «Поместный приказ». Ед. хр. 351.

К – Писцовая книга Кайсарова 162³/₄ по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 1-4. Пермь, 1889. С. 110-194.

КС – Писцовая книга Кайсарова Соли Камской 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Лл. 153- 186.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А.М.Горького. Ф. редкой книги. № 61593.

КЧ – Писцовая книга Перми Великой 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Лл. 46-152.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357.

Ч 3 – Ревизские сказки на крестьян Соликамской и Чердынской округи вотчин В.А.Всеволожского, П.Г.Шаховского, И.А.Лазарева, А.С.Строганова, заводчиков Походяшиных и других, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15 б. Т. 1.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. № 308.

Список литературы

Кривошекова-Гантман А.С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Кривошекова-Гантман А.С. Собр. соч.: В 2 т. Т.2. Ономастика / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006 а. С. 30-51.

Кривошекова-Гантман А.С. Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья // Кривошекова-Гантман А.С.

Собр. соч.: В 2 т. Т.2. Ономастика / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006 б. С. 20-29.

Кривошекова-Гантман А.С. Населенные пункты и их названия // Кривошекова-Гантман А.С. Собр. соч.: В 2 т. Т.2. Ономастика / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006 в. С. 52-58.

Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург: Изд-во: «Гошицкий», 2008. 792.

Ономастикон – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Перечень внутренних водных путей Европейской части СССР. М., 1926. 530 с.

ПО – Пермская область. Административно-территориальное деление. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1963. 503 с.

СДЛСИ – *Туников Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянской культуры, 2005. 915 с.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* СПб.: Наука, 1966-2008. Вып. 1-41.

УИО – *Мосин А.Г.* Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. 516 с.

Другие условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края

Д. – дело

Ед. хр. – единица хранения

Лл. – листы

об. – оборот

Оп. – опись

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

ка
род. – родительный

Ф. – фонд

DEVELOPMENT OF PERM POSTNOMINAL TOPONYMS IN PRIKAMYE IN XVI-XVII CENTURIES (ON CADASTRES AND CENSUS BOOKS)

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavic Linguistics Department
Perm State University**

Formation and functioning of oecunyms derived from complete and diminutive calendar and non-calendar Russian Prikamye names are researched on material of Perm cadastres and census books of XVI-XVII centuries. Postnominal oecunyms with Komi-Perm stems are described. Development of oecunymy is linked with Perm region history, live speech and business language, and Russian anthroponymy development. Research data is essential for studies on Russian toponymy and anthroponymy history, Russian language history development, and for description of Prikamye language and culture.

Key words: Prikamye; oecunym formation; calendar and non-calendar names.